

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.16>

UDC 32.019.51

LBC 66.2(2Poc)

Submitted: 16.01.2024

Accepted: 11.01.2025

DETERMINANTS AND BARRIERS TO THE DEVELOPMENT OF THE INTEGRATION POTENTIAL OF THE IMAGE OF THE FUTURE OF RUSSIA

Irina A. Batanina

Tula State University, Tula, Russian Federation

Anastasia A. Lavrikova

Tula State University, Tula, Russian Federation

Olga E. Shumilova

Tula State University, Tula, Russian Federation

© Батанина И.А., Лаврикова А.А., Шумилова О.Е., 2025

Abstract. *Introduction.* This study identifies a system of factors for the development of the integration potential of the ideal image of the future Russian society, which addresses a significant gap in modern political science. The scientific novelty of the work lies in the use of a multidimensional analytical model developed by the authors to identify structural dissonances between the ideal, real, and declared images of the future at the micro-, meso-, and macro-levels. *Methods and materials.* The research is based on a comparative analysis of in-depth interviews with representatives of the expert community (including heads of departments of regional government bodies, business structures, and mass media) and ordinary citizens of the Central Federal District and the Southern Federal District. The choice of the two districts is justified by the specifics of their socio-cultural profiles, historical development trajectories, and geopolitical status, which allows for a more detailed analysis of regional differences in perceptions of the future. *Analysis.* It is noted that the vector of perception of the country's future is positive; however, there is fragmentation and stereotyping associated with the dominance of retro-orientations in the mechanism of forming ideas about the future, which entails a narrowing of the planning horizon. It is proven that key factors limiting the functionality of the vision of the country's development prospects, and consequently differentiating society, include lack of social experience, status characteristics, and place of residence (socio-cultural characteristics of the region). The study reveals significant differences between elite and mass groups, as well as between generations. *Results.* Experts demonstrate a more complex, cognitively rich perception, while mass consciousness tends towards short-term planning and personalization of power. In high-risk conditions, the authors conclude that there is a need to form unambiguous interpretations of key evaluative categories in the information agenda at the federal and regional levels. This will help minimize the fragmentation of public space and enhance the integration potential of Russia's image of the future. *Authors' contribution.* I.A. Batanina – conceptualization, research design, supervision, and final approval of the manuscript. A.A. Lavrikova – methodology, development of research instruments, data curation, formal analysis, and writing – original draft. O.E. Shumilova – investigation, data collection, formal analysis of literature, writing – review and editing. *Funding.* The article was prepared as part of the work in accordance with the State Assignment № FEWG-2023-0004.

Key words: image of the future, ideal image, mechanism of forming the image of the future, integration potential, information agenda, retro-orientations, value system.

Citation. Batanina I.A., Lavrikova A.A., Shumilova O.E. Determinants and Barriers to the Development of the Integration Potential of the Image of the Future of Russia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 5, pp. 199-209. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.16>

УДК 32.019.51
ББК 66.2(2Рос)

Дата поступления статьи: 16.01.2024
Дата принятия статьи: 11.01.2025

ДЕТЕРМИНАНТЫ И БАРЬЕРЫ РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ОБРАЗА БУДУЩЕГО РОССИИ

Ирина Александровна Батанина

Тульский государственный университет, г. Тула, Российская Федерация

Анастасия Александровна Лаврикова

Тульский государственный университет, г. Тула, Российская Федерация

Ольга Евгеньевна Шумилова

Тульский государственный университет, г. Тула, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В данном исследовании определяется система факторов развития интеграционного потенциала идеального образа будущего российского общества, что восполняет важный пробел в современной политической науке. Научная новизна работы заключается в использовании разработанной авторами многомерной аналитической модели для выявления структурных диссонансов между идеальным, реальным и декларируемым образами будущего на микро-, мезо- и макроуровнях. *Методы и материалы.* Исследование строится на основе сравнительного анализа глубинных интервью представителей экспертного сообщества (из числа руководителей подразделений региональных органов власти, бизнес-структур, масс-медиа) и рядовых граждан Центрального федерального округа и Южного федерального округа. Для обеспечения репрезентативности и выявления возрастной динамики респонденты были стратифицированы по трем поколенческим когортам (18–35 лет, 36–55, 56+). Выбор двух округов обоснован спецификой их социокультурных профилей, траекторий исторического развития и geopolитического статуса, что позволило выявить региональные различия в представлениях о будущем. *Анализ.* Отмечено, что вектор восприятия будущего страны носит позитивный характер, однако наблюдается фрагментарность, стереотипность, связанные с доминированием ретроориентаций в механизме формирования представлений о грядущем, что влечет за собой сужение горизонта планирования. Доказано, что среди факторов, ограничивающих функциональность видения перспектив развития страны, и, как следствие, дифференцирующих общество, ключевое значение имеют дефицит социального опыта, статусные характеристики, место проживания (социокультурные особенности региона). *Результаты.* В ходе исследования выявлены существенные различия между элитными и массовыми группами, а также между поколениями. Эксперты демонстрируют более сложное, когнитивно насыщенное восприятие, в то время как массовое сознание склонно к краткосрочному планированию и персонализации власти. В условиях высокой рискованности авторы делают вывод о необходимости формирования однозначных интерпретаций ключевых оценочных категорий в информационной повестке дня на федеральном и региональном уровнях. Это будет способствовать минимизации фрагментации публичного пространства и усилению интеграционного потенциала образа будущего России. *Вклад авторов.* И.А. Батанина – постановка цели и задач исследования, разработка исследовательского дизайна, общее научное руководство и утверждение окончательного текста. А.А. Лаврикова – разработка методики и инструментария исследования, курирование сбора и формально-логического анализа данных, написание первоначального варианта рукописи. О.Е. Шумилова – организация и проведение полевого этапа исследования, сбор эмпирических данных, анализ литературы и подготовка аналитического обзора, критический пересмотр рукописи с внесением существенных правок. *Финансирование.* Статья подготовлена в рамках выполнения работ в соответствии с государственным заданием № FEWG-2023-0004.

Ключевые слова: образ будущего, идеальный образ, механизм формирования образа будущего, интеграционный потенциал, информационная повестка, ретроориентации, ценностная система.

Цитирование. Батанина И. А., Лаврикова А. А., Шумилова О. Е. Детерминанты и барьеры развития интеграционного потенциала образа будущего России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 5. – С. 199–209. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.16>

Введение. В ситуации неопределенности, обусловленной, с одной стороны, усложнением и подвижностью структуры взаимодействий представителей элитных и массовых групп, с другой – изменением геополитической ситуации, происходят как модификация традиционных противоречий, связанных с формированием образа будущего страны, так и возникновение целого ряда новых. Как показывают результаты исследований [1; 4], в постсоветскую эпоху образ будущего страны определяется наличием в общественном сознании противоречий, лежащих в следующих плоскостях:

- социально-экономической (между капитализмом и социализмом);
- культурно-цивилизационной (между славянофильством и западничеством);
- жизненных стратегий (между уверенностью и неуверенностью в завтрашнем дне);
- политической (между демократией и авторитаризмом);
- идеологической (между политической лояльностью и оппозицией).

В то время, когда общественно-политическая жизнь характеризуется нестабильностью, конфликтностью, усложнением процесса принятия и реализации политических решений, а иерархические структуры в системе «власть – общество» уступают место горизонтальным, образ будущего страны становится существенным фактором интеграции общества. При этом представления о грядущем выступают не только маркером социальных установок, фиксирующих направленность отношения к стране и государству и отражающих готовность проявлять личное участие в различных видах социальной активности, но и являются показателем сформированности гражданской / национально-государственной идентичности.

При достаточно широком употреблении понятия «образ будущего» как в научной, так и популярной литературе его универсальное определение отсутствует. Для формулировки рабочей дефиниции термина «образ будущего» нам требуется обратиться также к трак-

товкам категории «образ». Анализ литературы [8; 9] позволил прийти к выводу, что под образом в широком смысле слова понимается субъективная картина мира или его фрагментов, включая самого субъекта восприятия, других людей, пространственное окружение и временную последовательность событий. Это результат психического отражения (представления) того или иного объективного явления; в процессе этого отражения возможны преобразования исходной информации, поэтому главной чертой образа является репрезентация идеального, соединенная с нравственно-этическими оценочными суждениями, а сам процесс включает процедуры анализа (что позволяет отобразить типичное в объекте) и синтеза (благодаря чему образ обладает характеристиками индивидуального явления). На восприятие политических объектов (к которым относится страна) оказывает влияние множество факторов, среди которых – когнитивные особенности субъекта, специфика среды и источников, получаемой информации, существующий политический и исторический контекст, социокультурные особенности исторического процесса [18]. Все сказанное в полной мере относится и к феномену «образ будущего страны», под которым подразумевается видение перспектив развития страны через призму потребностей, интересов, ожиданий, идеалов и системы ценностей субъекта восприятия (индивида, социальной группы, сообщества и т. д.). В данном случае образ основан на информации, личном и коллективном опыте, имеет генетические корни, обусловлен историческим, этническим, социально-экономическим и социокультурным контекстом и специфически отражен в планах и ценностных ориентациях. При такой трактовке понятия во внимание принимаются положения как макросоциологического, так и микросоциологического подходов интерпретации будущего. В качестве основного субъекта восприятия рассматривается личность, индивидуальный субъект социального действия, однако учитывается и тот факт, что интересы и представления отдельного

гражданина принимаются как действительный фактор общественной / политической жизни, только при их совпадении с интересами / ценностями определенной социальной группы / общности, члены которой осознают свою принадлежность к ней, а сами интересы / ценности достаточно отчетливо сформулированы и выражены на особом языке, понятном для членов данной группы и для прочих представителей социума. Так, в логическую схему исследования были включены параметры, имеющие значение для индивидуальной и коллективной субъективизации (что не только не исключает, но и подчеркивает различие в данных процессах). В содержании образа будущего находят отражение коллективные / индивидуальные цели и планы, страхи, тревоги и идеалы, групповые / индивидуальные ожидания, надежды, мечты [7]. Функциональность образа будущего зависит от достижения конгруэнтности на всех уровнях: индивидуальном, групповом и социальном.

Изучение образа будущего посредством выявления структурных составляющих является достаточно распространенным в литературе. Однако не во всех исследованиях принимается во внимание расположение компонентов относительно друг друга в микро-, мезо- и макросреде. Опираясь на вышеизложенное, наиболее перспективным представляется исследование проблемы формирования образа будущего страны через построение многомерной модели, основанной на системе различных координат.

Выделим ключевые положения, которые необходимо принимать во внимание.

Во-первых, в связи с тем, что целевыми группами общественности могут выступать как граждане государства, так и представители мирового сообщества, следует вести речь о внутренних и внешних параметрах образа будущего (внутренний и внешний образ).

Во-вторых, необходимо учитывать дифференциацию типов образа и выделять образы будущего: идеальный / желаемый (с точки зрения запросов общества), моделируемый / декларируемый (с точки зрения предложения представителей органов государственной власти) и реальный / объективный (с точки зрения оценки текущей ситуации). При этом главными точками пересечения указанных обра-

зов являются следующие: описание страны в перспективе / представления об оптимальном пути развития; ценностное наполнение генеральной идеи; горизонт планирования; способы и ресурсы достижения целей. Именно по данным позициям должно наблюдаться согласование, что позволит формировать целостный образ будущего.

В-третьих, конструирование образа будущего страны предполагает интерпретацию: а) прошлого как обоснование роли страны в мировой истории; б) современного состояния страны с демонстрацией места в современной мировой системе; в) видения позиции страны как изменение сегодняшнего положения государства в краткосрочной или долгосрочной перспективе в рамках заложенной исторической матрицы.

В-четвертых, эффективность механизма формирования образа будущего зависит не только от ценностно-смысовых доминант «представлений о себе как стране и государстве», но и от сформированных образов реальных и потенциальных «друзей» и «врагов», так как именно они задают систему координат для самооценки и оценки происходящих и будущих внешне и внутриполитических событий.

И наконец, неоднородность образа будущего страны объясняется его динамичностью: он меняется с течением времени и используется разными политическими субъектами для политического самопозиционирования в рамках собственных государств и на мировой арене. При этом существенное влияние оказывает так называемая «геополитика восприятия» как господствующий дискурс, вырабатываемый доминирующими державами и навязываемый всему остальному миру в качестве представления о существе и значении мирополитических процессов, а также собственного места в мире.

Существенное теоретико-методологическое значение при определении исследовательской модели имели следующие разработки:

– факторная модель политического восприятия, предложенная Е.Б. Шестopal и уточненная представителями ее школы политического восприятия [11; 15; 16], согласно которой формирование образа страны в массовом сознании обусловлено воздействием объектных факторов (характеристик непосредственно

воспринимаемого объекта) и субъектных факторов (связанных с воспринимающей стороной);

– классические работы, посвященные природе политических символов, логике их зарождения и существования К. Юнга, М. Элиаде, А.Н. Лосева, Э. Кассирера и др. [3; 5; 17];

– концепция символической репрезентации политических явлений и процессов, связанная с теориями «символической власти» П. Бурдье, социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана, символической политики М. Эдельмана, Т.В. Евгеньевой, О.Ю. Малиновой и др. [2; 6; 19];

– труды, посвященные вопросам конструирования и позиционирования национально-государственной идентичности в современном мире [10; 12–14; 20; 21].

Предлагаемая исследовательская модель, с одной стороны, соответствует проблематике и тематическому репертуару изучаемого явления, связывая в целостную систему наиболее общие понятийные средства, характеризующие значимость образа будущего страны в процессе интеграции общества, а с другой – позволяет операционализировать концептуальное определение образа будущего с учетом его полиструктурности, противоречивости, трансформации в ходе онтогенеза, обусловленности историческими изменениями, что в итоге помогает получить практические знания, необходимые для формулировки выводов и рекомендаций.

Методы и материалы. Сложные содержательные и контекстуальные параметры образа будущего страны обуславливают методологические трудности исследования данного феномена; представляется проблематичным выделение прямых индикаторов измерения отдельных составляющих, что заставляет ориентироваться на маркеры и использовать комплексный социологический инструментарий.

Исследовательский дизайн предполагал изучение особенностей личностного уровня восприятия образа будущего, характеристики разных видов дискурсивных пространств, влияющих на формирование в массовом сознании картины грядущего, отражении культурных кодов в выявленном видении перспектив развития страны.

С целью определения детерминант и барьеров развития интеграционного потенци-

ала идеального образа будущего исследовательским коллективом была проведена серия глубинных интервью с представителями регионального сообщества из числа массовых и элитных групп Центрального и Южного федеральных округов. Для обеспечения репрезентативности и выявления возрастной динамики респонденты были стратифицированы по трем когортам: молодежь (18–35 лет), среднее (36–55 лет) и старшее (56 лет и старше) поколение. Выбор округов обусловлен их существенными различиями, связанными со спецификой историко-культурного контекста и геополитическим статусом. Сравнение этих двух контрастных кейсов позволяет выявить общероссийские тенденции и региональную специфику в формировании образа будущего.

В ходе исследования выявлялось восприятие России как страны в контексте ее прошлого, настоящего и будущего, окружающего мира посредством конструирования образа «друзей» и «врагов» и определялась степень детализации предполагаемого видения через общую картину мира, связь с конкретными коллективными действиями и поступками отдельных знаковых личностей.

При этом ключевое внимание уделялось временной ориентации, что, с одной стороны, позволило отследить динамику восприятия образа России, а с другой – выявить роль представлений о прошлом и настоящем в механизме формирования будущего российского общества. Респондентам предлагалось высказать свою позицию по пяти периодам российской истории, условно обозначенным как «Царская Россия», «Советская Россия», «Россия 90-х», «Современная Россия», «Будущее России». Участники опроса давали эмоциональную (ассоциативный ряд, яркие события периода) и рациональную (персонажи, союзники, противники) оценки каждого этапа.

Анализ. Сравнительный анализ результатов глубинного интервью рядовых граждан Центрального федерального (далее – ЦФО) и Южного федерального округа (далее – ЮФО) позволил выявить некоторые различия в механизме формирования образа будущего. Так, если для жителей ЦФО ассоциативный ряд выстраивается вокруг конкретных исторических событий, то для респондентов из ЮФО, напротив, характерно обращение к

обобщенному ценностному ряду («стабильность», «справедливость», «беззаконие», «правовое государство», «процветание», «надежда», «развитие», «перспектива», «вера», «сила», «величие», «движение», «мощь» и пр.).

Результаты исследования позволили подтвердить гипотезу относительно дифференциации подходов к конструированию образа будущего: через личностно наполненное восприятие прошлого («молодость», «школа и институт», «Ну, погоди!», «В гостях у сказки», «пioneer, комсомолец, пионерлагерь, пионерский костер, совет дружинны») и настоящего («живем и слава...», «получение образования и медицинской помощи напрямую зависит от кошелька», «война», «Бессмертный полк», «патриотизм», «Разговоры о важном») и социетальную доминанту («Царская Россия» – это «Петр I», «строительство Петербурга», «крепостное право, отмена крепостного права, правление династии Романовых, появление железной дороги»). Последнее сопряжено с временной удаленностью характеризуемых периодов. При этом данная точка зрения является скорее крайней, чем типичной (по одному случаю в каждом федеральном округе).

Также к числу нераспространенных позиций следует отнести ситуацию, когда образы «друзей» и «врагов» рассматриваются через внутриполитические процессы, для их характеристики используются стереотипизированные суждения (противники во все времена – «дураки и дороги», «те, кто развалил страну», союзник – «сама Россия», «армия и флот»).

При обозначении персоналий называются популярные образы, количественно ограниченные, что может свидетельствовать о когнитивной бедности представлений и находит отражение в скептицизме относительно будущего России как страны и государства на рациональном и эмоциональном уровнях установки («о-е-ей», «инопланетяне»). Следствием указанного является пассивность поведенческих моделей («все мы там будем»).

В то же время когнитивная наполненность образов прошлого (разнообразие ассоциаций как позитивного, так и негативного характера, широкий перечень государств-союзников и государств-противников, достаточно объемный набор персоналий, не всегда политических деятелей («Л.И. Брежнев, Ю.А. Гага-

рин, С.П. Королев, Г. Жуков, В. Высоцкий, Ю. Никулин, Г. Вицин, Г. Милляр») и настоящего однозначно не гарантирует конкретизацию представлений о будущем («неопределенность», «не знаю», «хотелось бы кто-то из хороших»). Такая позиция наблюдается скорее у представителей старшей возрастной группы, живущих в ориентации «настоящее – прошлое». В случае с другими когортами детализация позволяет определить собственную роль в картине мира («С какими личностями у Вас ассоциируется будущее России?» – «Я сам»). При опоре на актуальную повестку формируется более-менее целостный образ будущего (среди наиболее ярких событий «Будущего России» – «победа в СВО, ликвидация терроризма, невозможность ядерной войны, экономическое процветание»).

Следует указать, что внутренний локус контроля в большей степени характерен для жителей ЮФО (будущее России ассоциируется с молодежью, что отсылает к высказыванию «молодежь – будущее России»), в то время как население ЦФО чаще персонифицируют власть, снимая с себя ответственность за развитие общества. При этом данная позиция свидетельствуют скорее о планировании в краткосрочной перспективе.

Отмечено доминирование институциональной составляющей в оценочных суждениях респондентов: отсылка к структурным и нормативным характеристикам социально-политической системы как маркеров образов прошлого. Образы настоящего персонифицированы и связаны с конкретными политическими решениями.

В качестве одного из знаковых параметров будущего является «объединение всех народов», что обеспечит «мир и процветание», избавит от противников, превратив их в союзников. Такое мнение не всегда является показателем лояльности к существующей власти, а может отражать оппозиционные настроения (в данном случае будущее России связывается с фигурой иноагента).

Достаточно распространенным способом формирования образа будущего России является отсылка к актуальной повестке дня. Одни рассматривают ее через призму geopolитических процессов: когда прошлое, настоящее и будущее определяется местом Рос-

сии в мировой политической системе («борьба за место в мире»), территориальными характеристиками (значимые события в конкретный период истории России: «Царская Россия» – «выход к Черному морю»; «Советская Россия» – «победа в ВОВ»; «Современная Россия» – «возврат территории Крыма»; «Будущее России» – «расширение границ территории»), достижение указанных целей сопряжено с наличием сильной власти, связанной с конкретной политической фигурой. Другие акцентируют внимание на экономической составляющей (значимые события в конкретный период истории России: «Россия 90-х» – «создание Макдональдса»; «Современная Россия» – «импортозамещение»; «Будущее России» – «лучшая экономика в мире»). Третья группа воспринимает будущее как продолжение настоящего (с точки зрения знаковых персонажей, союзников, противников), только в более интенсивном формате (сегодня – «движение» / «возрождение страны», завтра – «сила и мощь» / «укрепление страны»), либо видят решение значимой проблемы («конец СВО на территории Украины»), что приведет к изменению вектора восприятия ситуации с «неопределенности» на «надежду».

Результаты исследования показали, что чаще всего пессимизм / аморфность позиций в отношении определения грядущего высказывают представители старшей возрастной группы (достаточно часто графа «Будущее России» при обозначении разных параметров остается без ответа), тем временем для молодежи важное значение при определении образа будущего имеют вопросы технологизации общественной жизни («развитие медицинских технологий в борьбе с неизлечимыми заболеваниями»), а для представителей других когорт они уходят на второй план.

Как и предполагалось, эксперты демонстрируют более сложную в когнитивном плане картину мира (данная тенденция типична прежде всего для представителей ЦФО): более широкий набор персонажей, ассоциативный ряд. Ответы на вопрос «С какими личностями у Вас ассоциируются конкретные периоды в истории России?» оказались следующими:

1. Царская Россия – Иван Калита, Иван III, Иоанн IV, Борис Годунов, Алексей Михайлович, Петр I, Екатерина II, Николай I, Алек-

сандр Суворов, Румянцев, Михаил Ломоносов, Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Дмитрий Менделеев, Иван Павлов, Владимир Вернадский, Федор Достоевский, Николай Гоголь, Лев Толстой, Сергей Есенин, Модест Мусоргский, Николай Римский-Корсаков, Петр Чайковский, Александр Бородин, Виссарион Белинский, Николай Карамзин и др.

2. Советская Россия – Владимир Ленин, Иосиф Сталин, Юрий Гагарин, Алексей Маресьев, Александр Покрышкин, Сергей Королев, Николай Вавилов, Петр Капица, Андрей Колмогоров, Сергей Королев, Игорь Курчатов, Владимир Маяковский, Лев Яшин, Юрий Власов, Александр Карелин, Вячеслав Третьяк, Валерий Харламов, Вячеслав Фетисов, Василий Ощепков, Анатолий Харлампиев, Виктор Спиридовон и др.

3. Россия 90-х – Владимир Путин, Борис Ельцин, Геннадий Зюганов, Владимир Жириновский, Григорий Явлинский, Сергей Мавроди.

4. Современная Россия – Владимир Путин, Николай Патрушев, Дмитрий Медведев, Сергей Лавров и др.

5. Будущее России – Владимир Путин, Николай Патрушев, Дмитрий Медведев, Сергей Лавров и др.

Соответственно, наполненность картины мира не обязательно имеет следствием детализацию образа будущего, что частично совпадает с результатами опроса рядовых граждан. Можно выделить сегмент экспертов, демонстрирующих готовность прогнозировать грядущее развитие общества, проявляя когнитивную гибкость. Ассоциативный ряд «Будущего России» включает блоки «международные отношения», «политический режим», «инфраструктура», «социальная политика», «экономические отношения» («Рыночная экономика при сохранении значительной роли государственных компаний, развитие перерабатывающей промышленности, преодоление угрозы внешнего вмешательства со стороны нейтральных стран, выстраивание гармоничных и равноправных международных отношений с собственной повесткой при учете повестки других государств и государственных объединений, многопартийность, выстраивание гармоничных федеративных отношений, совершенствование практик социального обеспечения

граждан, совершенствование инфраструктуры и повышение комфорта условий проживания граждан). Такая позиция во многом совпадает с эмпирическим материалом, полученным в рамках психографического метода, и типична для представителей молодежного сегмента.

Другая группа проявляет при значительной наполненности картины мира относительно скромную характеристику позиций настоящего и будущего. Так, будущее определяется позитивно («развитие и процветание», «возвращение утраченного величия»), но как продолжение настоящего (исходя из определения персоналий, союзников и противников), то есть прогноз носит скорее текущий характер (яркое событие «Будущего России» – «в настоящее время нельзя определить. Речь идет о еще не наступившем периоде»).

Если у первых базовым критерием для оценки различных периодов выступает «демократизация» («Царская Россия» – «отмена крепостного права»; «Советская Россия» – «Октябрьская революция»; «Россия 90-х» – «Путч 1993 г.»), то у вторых – целостность государства с определенной долей ностальгии по эпохе СССР, что выражается в многоаспектности характеристик данного исторического этапа. В подтверждение приведем ответы на вопрос «Какие ассоциации у Вас возникают, когда Вы слышите словосочетания?»:

1. Царская Россия – объединение земель русских, увеличение территории государства, расширение его границ, золотой век русской поэзии и музыки.

2. Советская Россия – препятствие распаду государства, воссоединение территорий, входящих в состав Российской империи, индустриализация, переселение граждан в многоквартирные дома, всеобщее образование, высокий уровень образования, советский кинематограф.

3. Россия 90-х – последствия распада СССР, кризис в различных сферах, угрозы дальнейшего распада государства.

4. Современная Россия – деятельность, направленная на преодоление последствий распада СССР, преодоление последствий распада СССР.

Последнее может быть связано с ретроориентацией эксперта («С каким наиболее ярким событием связан для Вас конкретный период истории России?» – характеристика

экспертом исторических периодов «Царская Россия» и «Советская Россия»: «Нельзя указать только одно событие. Ярких событий было много»). Вместе с тем романтизация прошлого характерна лишь применительно к периодам «Царской России» и «Советской России». В то время как описания «России 90-х» имеют негативную направленность: «развал всего, что было создано за полвека, деградация населения», «организованные преступные группы», «раскол», «хаос», «дефолт», «развал СССР», гиперинфляция, развал страны, бандитизм».

«Друзья» и «враги» определяются исходя из их роли в поддержании целостности страны. Для первой группы экспертов это внешние силы (преимущественно «международные террористические организации»), для второй – внутренние. В качестве союзников рассматриваются вооруженные силы («Армия и флот / Вооруженные Силы СССР / Вооруженные силы Российской Федерации»), противников – деструктивные структуры внутри государства («Все силы, государственные и негосударственные объединения, отдельные личности, явные и (или) неявные действия которых были направлены на нанесение вреда и причинение государству ущерба различного характера в данный период»), что коррелирует с мнениями некоторых представителей из числа рядовых граждан. Стоит отметить, что идентичность состава для всех периодов может быть интерпретирована как ориентация на цикличность истории, в отличие от линейного характера ее развития. Это в какой-то мере объясняет воспроизведение настоящего в будущем.

Другой полюс экспертных позиций, выделенных как в ЦФО, так и в ЮФО, связан с предельно обобщенной характеристикой прошлого и настоящего, образ будущего носит провластный характер, связан с действующим политическим режимом, в качестве наиболее яркого события «Будущего России» называются «Президентские выборы в России в 2024 г.», ключевой фигурой – Владимир Путин / «преемник Президента, который сможет сохранить то, что было создано в современной России, преумножить и сделать еще мощнее», результатом чего будет являться «устойчивое развитие», «победа, суверенитет, восстановление промышленности».

При этом достаточно типичной является позиция, когда эксперты отказывают в наличии союзников Российского государства на любом историческом периоде («Ответ единый – Россия, по сути, всегда была одна. Призывающие к ней время от времени союзники – особенности конкретного этапа ее развития»). В массовом опросе обозначенная позиция не встречается.

Нетипичным фактом для экспертного сообщества является акцентирование внимания на технологизации как индикаторе развития (яркое событие «Царской России» – «постройка Транссибирской железной магистрали»; «Советская Россия» – «полет человека в космос»; «Будущее России» – «точно будет что-то с искусственным интеллектом», «новые технологии, криптовалюта, инновации, технические прогресссы, ИИ») и на значимости победы в СВО. При этом «решение украинского вопроса» упоминается лишь в ответах экспертов ЮФО, в массовых же группах последняя позиция является наиболее распространенной вне зависимости от территории проживания. Кроме того, уникальностью ответов экспертов ЮФО является акцент на межнациональной тематике с выходом на гармонизацию отношений, а также достижение лидерства на мировой арене («Объединение многих стран в государство более мощное, чем СССР; создание лучших условий для жизни каждого россиянина, Россия – страна топ-3 в новом, многополярном мире»).

Результаты. Проведенное исследование позволяет констатировать, что, несмотря на преобладание позитивного вектора в восприятии будущего страны, сформировавшийся образ лишен системности и целостности. Эмпирические данные выявили наличие существенных разрывов в представлениях о грядущем между различными сегментами общества: элитными и массовыми группами, носителями различных региональных культур, а также внутри самих этих групп. Установлено, что ключевыми детерминантами, обуславливающими функциональность видения перспектив развития страны, выступают объем и характер социального опыта, статусно-ролевые характеристики индивидов, а также социокультурные особенности их региона проживания.

Что касается временного горизонта конструируемого будущего, то анализ данных показал следующее. Хотя в ходе исследования временные рамки «будущего России» не ограничивались жесткими хронологическими рамками во избежание искусственного сужения поля ответов респондентов, в массовом сознании конкретные планируемые события и образы чаще укладываются в краткосрочную (1–2 года), реже среднесрочную перспективу (5–10 лет). Долгосрочные прогнозы (свыше 10 лет) носят в основном абстрактный, ценностно-идеологический характер («величие», «процветание», «могущество»). Экспертное сообщество, в свою очередь, демонстрирует более широкий горизонт планирования, однако также с выраженной тенденцией к конкретике в кратко- и среднесрочной перспективе.

Полученные результаты являются элементом трехмерной матрицы «образа будущего России», включающей его идеальный, реальный и моделируемый (декларируемый) типы. Последующий сравнительный анализ компонентов этой матрицы открывает перспективы для разработки концепции оптимизации механизма формирования образа будущего страны. Эта работа должна вестись с учетом выявленных диссонансов как между содержательными элементами образа, так и в степени их сформированности на различных уровнях (микро-, мезо- и макро-) и их презентативности в различных дискурсивных пространствах. В этой связи представляется целесообразным при формировании информационной политики на федеральном и региональном уровнях уделять особое внимание обеспечению смысловой однозначности интерпретации ключевых оценочных категорий актуальной повестки дня. Подобная работа будет способствовать минимизации фрагментации публичного пространства и расширению интеграционного потенциала образа будущего России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батанина И. А., Лаврикова А. А., Шумилова О. Е. Образ будущего страны: восприятие региональным сообществом // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. № 1. С. 13–19. DOI: 10.24412/2071-6141-2023-1-13-19

2. Евгеньева Т. В. Крым в пространстве российской идентичности: образно-символическое измерение // Ценности и смыслы. 2017. Т. 50, № 4. С. 20–33.
3. Кассирер Э. М. Философия символических форм. Т. 2. СПб.: Унив. кн., 2002. 79 с.
4. Комаровский В. С. Образ желаемого будущего России: проблема формирования // Власть. 2020. № 1. С. 45–50.
5. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Философия. Мифология. Культура. М.: Изд-во полит. лит., 1991. 320 с.
6. Малинова О. Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России. М.: ИНИОН РАН, 2013. 421 с.
7. Нестик Т. А. Образ будущего, социальный оптимизм и долгосрочная ориентация россиян: социально-психологический анализ // СОЦИОДИГГЕР. 2021. Т. 2, вып. 9 (14): Горизонты будущего. С. 6–48.
8. Образ будущего России в методологическом подходе / под общ. ред. О.С. Анисимова. М. : Угода Т, 2020. 124 с.
9. Образ России будущего в массовом сознании россиян // Российское общество и вызовы времени. Книга шестая / под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2022. С. 228–250.
10. Попова О. В. Базовая матрица государственной политики идентичности в современной России // Политическое пространство и социальное время. Симферополь: Ариал, 2016. С. 160–165.
11. Селезнева А. В., Смулькина Н. В. Образы стран славянского мира в сознании российских граждан (на примере Украины и Белоруссии) // Русин. 2020. Т. 54, № 4. С. 352–371. DOI: 10.17223/18572685/54/21
12. Семененко И. С., Лапкин В. В., Пантич В. И. Идентичность в системе координат мирового развития // Полис. Политические исследования. 2010. № 3. С. 40–59.
13. Сергейцев Т., Куликов Д., Мостовой П. Идеология русской государственности. Континент Россия. СПб.: Питер, 2020. 688 с.
14. Титов В. В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М.: Ваш формат, 2017. 184 с.
15. Шестопал Е. Б., Смулькина Н. В. Факторы восприятия постсоветских стран в современном обществе // Полис. Политические исследования. 2018. № 1. С. 26–44. DOI: 10.17976/jpps/2018.01.03
16. Шестопал Е. Б., Смулькина Н. В., Морозикова И. В. Сравнительный анализ образов своей страны у жителей российских регионов // Сравнительная политика. 2019. № 3. С. 74–94. DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10031
17. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Инвест-ПП, 1996. 240 с.
18. Greenstein F. J. Can Personality and Politics Be Studied Systematically? // Political Psychology: Key Readings / ed. by John T. Jost and James Sidanius. N. Y.: Taylor & Francis Books, 2004. 497 p.
19. Edelman M. The Symbolic Uses of Politics. Urbana: University of Illinois Press, 1985. 232 p.
20. MacCrone D. Bechhofer F. Understanding National Identity. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 226 p.
21. Siddy M. National Identities and Foreign Policy in the European Union the Russia Policy of Germany, Poland and Finland. Colchester: ECPR Press, 2017. 224 p.

REFERENCES

1. Batanina I.A., Lavrikova A.A., Shumilova O.E. Obraz budushhego strany. Vospriyatie regionalnym soobshhestvom [The Image of the Country's Future: Perception by the Regional Community]. *Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Tula State University Bulletin], 2023, no. 1, pp. 13-19. DOI: 10.24412/2071-6141-2023-1-13-19
2. Evgenyeva T.V. Krym v prostranstve rossijskoj identichnosti. Obrazno-simvolicheskoe izmerenie [Crimea in the Space of Russian Identity. The Figurative-Symbolic Dimension]. *Cennosti i smysly* [Values and Meanings], 2017, vol. 50, no. 4, pp. 20-33.
3. Kassirer E.M. *Filosofija simvolicheskikh form. T. 2* [Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 2]. Saint Petersburg, Univ. kn. Publ., 2002. 79 p.
4. Komarovskij V.S. Obraz zhelaemogo budushhego Rossii. Problema formirovanija [The Image of Russia's Desired Future. The Problem of Formation]. *Vlast* [Power], 2020, no. 1, pp. 45-50.
5. Losev A.F. Dialektika mifa [Dialectics of Myth]. *Filosofija. Mifologija. Kultura* [Philosophy. Mythology. Culture]. Moscow, Izd-vo polit. lit., 1991. 320 p.
6. Malinova O.Ju. *Konstruirovaniye smyslov. Issledovanie simvolicheskoy politiki v sovremennoj Rossii* [The Construction of Meanings. A Study of Symbolic Politics in Modern Russia]. Moscow, INION RAN, 2013. 421 p.
7. Nestik T.A. Obraz budushhego, socialnyj optimizm i dolgosrochnaja orientacija rossijan: socialno-psihologicheskij analiz [The Image of the Future, Social Optimism and Long-Term Orientation of Russians: A Socio-Psychological Analysis]. *SOCIODIGGER*, 2021, vol. 2, iss. 9 (14), pp. 6-48.
8. Anisimov O.S., ed. *Obraz budushhego Rossii v metodologicheskem podkhode* [The Image of Russia's Future in a Methodological Approach]. Moscow, Ugoesha T Publ., 2020. 124 p.
9. Obraz Rossii budushhego v massovom soznanii rossijan [The Image of Russia's Future in the Mass

- Consciousness of Russians]. Gorshkov M.K., Tikhonova N.E., ed. *Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni. Kniga shestaja* [Russian Society and the Challenges of Time. Book Six]. Moscow, Ves Mir Publ., 2022, pp. 228-250.
10. Popova O.V. Bazovaja matrica gosudarstvennoj politiki identichnosti v sovremennoj Rossii [The Basic Matrix of State Identity Politics in Modern Russia]. *Politicheskoe prostranstvo i socialnoe vremja* [Political Space and Social Time]. Simferopol, Arial Publ., 2016, pp. 160-165.
11. Selezneva A.V., Smulkina N.V. Obrazy stran slavjanskogo mira v soznanii rossijskih grazhdan (na primere Ukrayiny i Belorussii) [Images of the Slavic World Countries in the Minds of Russian Citizens (On the Example of Ukraine and Belarus)]. *Rusin*, 2020, vol. 54, no. 4, pp. 352-371. DOI: 10.17223/18572685/54/21
12. Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. Identichnost v sisteme koordinat mirovogo razvitiya [Identity in the Coordinate System of World Development]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2010, no. 3, pp. 40-59.
13. Sergejcev T., Kulikov D., Mostovoij P. *Ideologija russkoj gosudarstvennosti. Kontinent Rossija* [The Ideology of Russian Statehood. Continent Russia]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2020. 688 p.
14. Titov V.V. *Politika pamjati i formirovanie nacionalno-gosudarstvennoj identichnosti: rossijskij opyt i novye tendencii* [The Politics of Memory and the Formation of National-State Identity: The Russian Experience and New Trends]. Moscow, Vash Format Publ., 2017. 184 p.
15. Shestopal E.B., Smulkina N.V. Faktory vosprijatiya postsovetskih stran v sovremennom obshhestve [Factors of Perception of Post-Soviet Countries in Modern Russian Society]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2018, no. 1, pp. 26-44. DOI: 10.17976/jpps/2018.01.03
16. Shestopal E.B., Smulkina N.V., Morozikova I.V. Sravnitelnyj analiz obrazov svoej strany u zhitelej rossijskih regionov [Comparative Analysis of the Images of Their Country Among Residents of Russian Regions]. *Sravnitelnaja politika* [Comparative Politics], 2019, no. 3, pp. 74-94. DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10031
17. Eliade M. *Aspekty mifa* [Aspects of the Myth]. Moscow, Invest-PPP Publ., 1996. 240 p.
18. Greenstein F.J. *Can Personality and Politics Be Studied Systematically*. Jost J.T., Sidanius J., eds. *Political Psychology: Key Readings*. New York, Taylor & Francis Books, 2004. 497 p.
19. Edelman M. *The Symbolic Uses of Politics*. Urbana, University of Illinois Press, 1985. 232 p.
20. MacCrone D. Bechhofer F. *Understanding National Identity*. Cambridge, Cambridge University press, 2015. 226 p.
21. Siddy M. *National Identities and Foreign Policy in the European Union the Russia Policy of Germany, Poland and Finland*. Colchester, ECPR Press, 2017. 224 p.

Information About the Authors

Irina A. Batanova, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Director of the Institute of Humanities and Social Sciences, Tula State University, Prospekt Lenina, 92, 300012 Tula, Russian Federation, batanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0478-8312>

Anastasia A. Lavrikova, Doctor of Sciences (Politics), Associate Professor, Professor, Department of Sociology and Political Science, Tula State University, Prospekt Lenina, 92, 300012 Tula, Russian Federation, elav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3364-9733>

Olga E. Shumilova, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of Sociology and Political Science, Tula State University, Prospekt Lenina, 92, 300012 Tula, Russian Federation, helgash80@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2448-4084>

Информация об авторах

Ирина Александровна Батанина, доктор политических наук, профессор, директор Института гуманитарных и социальных наук, Тульский государственный университет, просп. Ленина, 92, 300012 г. Тула, Российская Федерация, batanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0478-8312>

Анастасия Александровна Лаврикова, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры социологии и политологии, Тульский государственный университет, просп. Ленина, 92, 300012 г. Тула, Российская Федерация, elav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3364-9733>

Ольга Евгеньевна Шумилова, кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и политологии, Тульский государственный университет, просп. Ленина, 92, 300012 г. Тула, Российская Федерация, helgash80@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2448-4084>